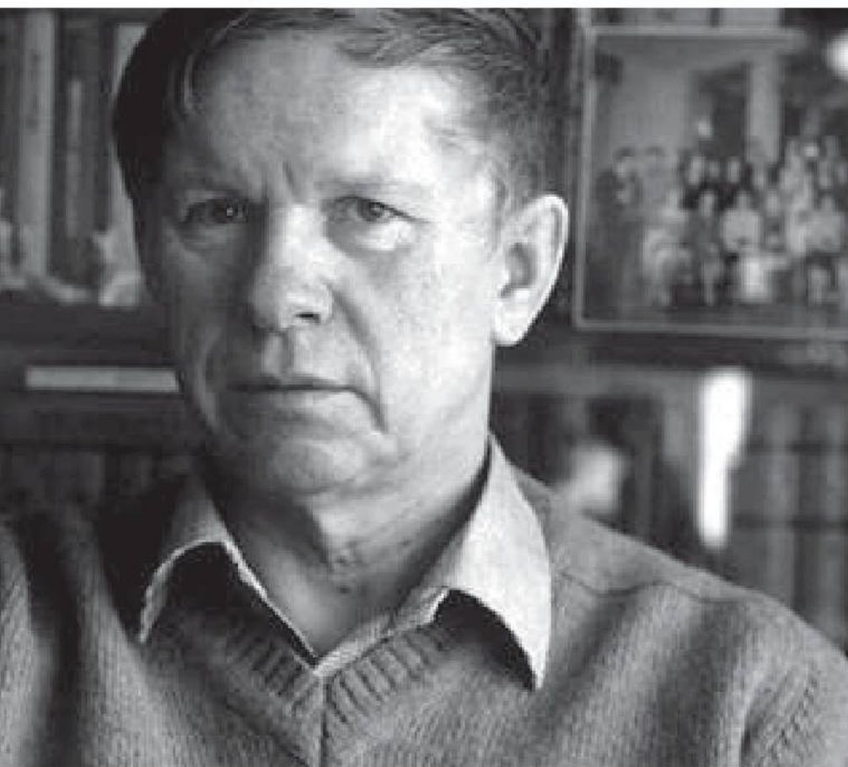

Двадцать фактов о Василе Быкове

В июне этого года исполняется сто лет со дня рождения Василя Быкова (1924—2003), великого советского и белорусского писателя, известного далеко за пределами своей страны, одного из ярких представителей военной «лейтенантской» прозы, экзистенциализма в его белорусском воплощении. У себя на родине Василя Быкова называют «совестью нации», и это звание он по праву заслужил благодаря своим повестям и гражданской позиции.

В наши дни довольно популярен жанр «N любопытных фактов о...». Понятно, что он не дает возможности глубоко познакомиться с героем, но может добавить несколько живых черточек к сухому академическому портрету выдающейся личности.

Эта подборка фактов составлена на основе автобиографической книги Василя Владимировича Быкова «Доўгая дарога дадому» («Долгая дорога домой»). Это — небольшие штрихи к портрету и биографии, без пафоса и бронзы.

1. Василь Быков отлично учился в начальной школе, и по этой причине он... два года просидел в четвертом классе. Учитель заметил талантливого ученика и посреди учебного года перевел его из третьего класса в четвертый. Но отец посчитал, что «*малышке*», когда он кончит этот класс, еще тяжело будет ходить за три километра в среднюю школу. Так что пришлось ему повторно проучиться в четвертом — «*лишь бы учиться*», вспоминал Быков (здесь и далее

курсивом выделены цитаты из русского перевода этой книги, изданного в 2004 году. — *Прим. ред.*).

2. Свою литературную деятельность Быков начал с перевода. Ему очень понравился роман Жюль Верна «Из пушки на Луну», он перевел его на белорусский язык и послал в редакцию газеты «Піянер Беларусі», «*чтобы там напечатали и познакомили белорусских детей с этим произведением*».

3. В годы перестройки Василь Быков поддерживал отношения с немецкими евангелистами. Похоже, что тогда он уже несколько иначе смотрел и на верующих, и на религию, а вот в детстве, будучи пионером-активистом, таскал из церкви старинные фолианты и клеил «*из церковных рукописных пергаментов воздушных змеев*», а также ходил в тубетейке — районный быткомбинат шил их для ребят из церковных риз.

4. Начало Великой Отечественной войны Быков встретил на территории Украины. Там он впервые поцеловался. Ну почти... В своей книге этот немолодой суровый мужчина

с нежностью вспоминает, как к нему, шедшему в колонне 17–18-летних юнцов, подбежала чернокосяя украинка и поцеловала его. Это волнующее чувство ожило в его памяти и согрело его в пору написания автобиографической книги.

5. В 1941 году Быкова чуть не расстреляли. Он отбилсЯ от своих, и его задержали сотрудники НКВД. *«Нашли в моей сумке карту – вырванный из учебника лист, на котором я, грамотей, отмечал положение на фронтах»*. После допроса, в сумятице отступления, его решили расстрелять, но солдат, которому это поручили, пожалел Василя – уж очень искренне тот расплакался перед близкой смертью: «Пацан, бежи! Ходко!» Верю, что так и было.

6. Учился на скульптурном отделении Витебского художественного училища, в железнодорожном училище в Аткарске (на путейца), в Саратовском пехотном училище (отлично), окончил артиллерийское училище в Южно-Сахалинске (красный диплом).

7. В 1943 году Быков получил звание младшего лейтенанта и золотые погоны, но ему не довелось пощеголять ими. Полгода он носил зеленые погоны убитого артиллериста, добытые ему старшиной. В книге Быкова есть несколько разделов, где только и успевай считать смертельно опасные переделки, в которых побывал автор, но про это не хочется. Ужасен жребий войны.

8. Курить начал в госпитале, на двадцатом году, под усмешки сослуживцев: что это за офицер, раз не курит? Это признание как-то соотносится для меня с рассказом про первый поцелуй и про то, как в мае 1945-го он учился рулить велосипедом – в детстве обучиться этому не довелось.

9. Быков был удостоен самых почетных советских премий и орденов, но, как это ни удивительно, был беспартийным. Больше того! Даже исключен из комсомола, а всё за то, что пропил с друзьями членские взносы, за которые отвечал, будучи комсоргом.

10. После окончания войны служил на Дальнем Востоке – на острове Кунашир и своими глазами видел, как речка может течь в обратном на-

правлении. Произошло землетрясение, в земле образовались разломы – их надо было перепрыгивать, а вода в реке взаправду потекла вспять. Причиной было цунами.

11. Первые слова похвалы своим произведениям получил от заместителя главного редактора «Гродзенской праўды» («Гродненской правды») Андрея Соловьева: *«Очань значыцельна!»* Скупая похвала дала веру в свои способности. А сама характеристика, как кажется, весьма точно определяет то, что сделал Быков для белорусской литературы. Кстати, мать совсем не читала произведений сына – была неграмотной, а батьке они не особенно нравились, больше любил написанное прозаиком Михасём Лыньковым.

12. Любопытно, что один из сыновей Быкова родился в один день с отцом и потому был назван Василём Васильевичем. Вот только дети остались равнодушны к белорусской культуре, и автор отметил это особо: *«Плохо лишь то, что в силу сложившихся независимо от меня жизненных обстоятельств я не смог создать условия для национального воспитания сыновей, и хлопцы выросли под влиянием космополитической по сути городской среды. Жены их тоже были не белоруски: у одного – русская, у другого украинка»*.

13. «Конечно, всё это – вымысел, а верится. Значит, это – мастерство». Такими словами белорусский поэт Пимен Панченко прокомментировал «Альпийскую балладу». Книга пусть и была художественной, но у ее главной героини имелся реальный прототип – Джулия, девушка, которая подходила к колоннам советских солдат и *«на невероятной смеси немецких, русских и итальянских слов»* выпрашивала Ивана – она бежала с ним из концлагеря. Кстати, чуть ли не единственная автобиографическая повесть Василя Быкова называется «Мертвым не баліць» («Мертвым не больно»).

14. Одно время Быков пристрастился к рыбалке, даже раздобыл лодку «казанку» с мотором «Вихрь», а потом катерок марки «Прогресс». Ходил по Неману. Правда, рыбак он был так себе. *«Рыба меня не любит»*, – говорил он.

15. У писателя были приличные гонорары, хотя и не такие, как на это рассчитывали некоторые свояки. Однажды к нему заглянул дальний родственник и после выпитой бутылки попросил одолжить ему миллион рублей. А потом долго возмущался: «Какой же ты тогда писатель?», коли денег таких в глаза не видел. Быков вспоминал, что за книгу в 500 страниц можно было разжиться «Жигулями». Так что не удивительно, что он мог позволить себе целую «Волгу», а еще скромную дачу в Ждановичах, под Минском, где задумывал писать «в уютном уголке», но так и не сочинил там ни одного произведения. Теперь в этом доме музей писателя.

16. Быков был астматиком и иногда выбирался на курорты поправить здоровье, в том числе отдыхал однажды в Пицунде. Об этой поездке сохранились любопытные литературные зарисовки, посвященные другому великому белорусскому писателю Уладзимиру Караткевичу (Владимиру Короткевичу) — тот вместе с женой тоже оказался тогда в писательском Доме творчества. Об их совместном пребывании там напоминают и отличные фотоснимки, хранящиеся сегодня в Государственном музее истории белорусской литературы. Несколько раз у Быкова случались сердечные приступы. В первый раз это произошло в Болгарии, где его спас поэт Константин Ваншенкин, а «отвлекала от грустных мыслей Белла Ахмадулина», а во второй раз это было уже в Минске, когда массаж сердца ему сделал белорусский поэт Сергей Законников. Свою роль сыграло и злоупотребление алкоголем и табаком. Пили в те времена много.

17. Между прочим, лучшие друзья Быкова (Алесь Адамович, Алексей Карпюк) были людьми непьющими. Тем забавнее выглядит следующий отрывок из воспоминаний: «Однажды Адамович меня удивил, спросив в телефонном разговоре, что такое мениск? Это был нефилологический термин, и далекий от негуманитарных наук Адамович не должен был им интересоваться. Я же припомнил из физики, что

мениск — это криволинейное натяжение поверхности жидкости. В последующем разговоре выяснилось, что в одном из своих интервью, опубликованном, кажется, в «Литературной России», Веничка (Ерофеев. — прим. М. Б.) с большой похвалой отозвался о нас с Адамовичем и сказал, что Адамовичу налил бы при встрече полный стакан, а Быкову — даже с мениском, то есть с горочкой. Бедный алкаш Веничка, видно, не знал, что Адамович не пьет, и «полным стаканом» очень его развеселил. Но все равно моральный жест Венички был куда более приятен нам обоим, чем идеологическая похвала какого-нибудь «литературоведа в штатском»».

18. Отношения Быкова и КГБ складывались по-разному. Особенно тяжело приходилось в пору гонений на писателя в Гродно (в 1947—1949 и 1955—1978 годах В. Быков жил в Гродно. — Прим. ред.). «Жучки» в квартире, провокации на почте, куски кирпича в окна. В один из вечеров его вместе с другом, белорусским историком Борисом Клейном, побили двое незнакомых людей.

19. Благодаря гражданской деятельности Быкова были реабилитированы многие белорусские писатели, в том числе поэт Алесь Гарун, покинувший Беларусь после установления там большевицкой власти, и писатель Тишка Гартный, которого в 1937 году принудительно объявили психически больным.

20. Любопытно бывает узнать, какие книги хвалят любимые писатели, но угадать любимого автора Василя Быкова получится далеко не у всех. «Быть может, я в большей степени романтик, чем это представляется моим читателям и критикам. Если не в своих произведениях, то в читательских предпочтениях. "Дон Кихот" — вот моя книга», — писал Быков.

Михаил Барановский — белорусский поэт, заведующий Литературным музеем Максима Богдановича (Минск)

Перевод с белорусского:
Александр Голяндин